

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

КУЗИН Ю.Д.

Рассматривается вопрос о необходимости создания хрестоматии поэтических произведений по философии для повышения качества образования студентов технического вуза и формулируются принципы, на основе которых может быть разработано это специфическое учебно-методическое пособие.

Цель статьи – обоснование в процессе преподавания философии в техническом вузе художественно-поэтических идей и образов для более глубокого и прочного усвоения теоретического материала и превращения его в мировоззренческие принципы и убеждения.

Несомненно, художественные (в том числе и поэтические) произведения иногда привлекаются в качестве своеобразной методической поддержки при изучении тех или иных философских тем. Но это не выходит за пределы чистой эмпирики, тем более что существует предубеждение против наглядности и образности в обучении философии в силу ее отвлеченно-умозрительной природы. Что значит научиться философствовать? Это значит научиться перерабатывать некоторую информацию и усваивать ее. Усвоение знаний суть их превращение из «чужих» в «свои», личные знания; переработка же знаний представляет собой самый сложный из компонентов умственного труда.

Что такое переработка знаний? Это их систематизация, переосмысление и получение новой информации из уже имеющихся фактов (посылок) в соответствии с определенной целью. Здесь можно выделить три специфических вида умственной деятельности: а) движение мысли от конкретного к абстрактному и обратно; б) построение доказательств и опровержений; в) решение задач.

Однако начнем мы с самого элементарного: с восприятия некоего художественного образа. Как справедливо заметила акад. М.В. Нечкина, «восприятие художественного образа...влечет за собой неимоверное расширение человеческого опыта. Это расширение охватывает и сферу настоящего, современность (...), и сферу прошлого, иногда – и будущего»¹. Какова природа этого опыта? Развивая основной тезис своих рассуждений, М.В. Нечкина отмечает, что опыт этот, собственно, стоит вне сферы приращения информации; это опыт, прежде всего, эмоционально-этический, представляющий собой «восприятие целого потока глубоких чувств, нравственных проблем, продумывание с новых точек зрения прежних жизненных решений...»²; более того, это опыт социально-исторической коммуникации, соединяющей отцов и детей, дедов и внуков, ныне живущих людей и их далеких пращуров; «это еще богатейший поток эмоций, сфера любви»³.

Философия, будучи социокультурным феноменом, несет в себе мощнейший заряд общественно-исторического опыта, который и переходит через обучение и усвоение в личный жизненный опыт. Но как переходит, при каких условиях этот процесс проходит успешно и эффективно? Зачастую опыт индивидуальный суживается до границ того дома, где живет означенный субъект, по большому счету переставший функционировать как представитель своей эпохи. Поэзия, литература вообще, тесно смыкаясь с философией, дают последней некий шанс более свободно и органично войти в субъективный индивидуальный мир человека; через эмоционально-образную структуру искусства философия из объективно данного духовного явления вполне может стать (в отдельных аспектах своего содержания) субъективно-ценностной стороной личности, одной из мотивационных посылок генерального жизнеориентирующего принципа, убеждением человека.

Необходимо сказать еще, что роль поэтического произведения в обучении философии не тождественна функции поэзии как таковой: поэтическое произведение (или его фрагмент) подчинено дидактическим задачам, оно «вторично», как бы поглощено в стихи чистого рассуждения, состоящего из абстрактных понятий. Здесь следует обратить внимание на два обстоятельства. Первое – поэтический образ лишь иллюстрирует какую-то мысль, помогает усвоению некоторой теоретической конструкции; относительно самостоятельного значения такой образ не имеет, природа его чисто функциональна. Второе – поэтический образ не просто уточняет, дополняет и оживляет знание, он расширяет сферу личного опыта, включая в нее концентрированный опыт поколений.

Связь поэзии и философии – отнюдь не изобретение дидактов: она была выявлена еще в эпоху античности, когда создавались целые философские поэмы, отмеченные глубиной содержания и яркостью

художественной формы, и неоднократно демонстрировалась в позднейшие периоды культурного прогресса человечества. «Различие между философами и поэтами – не более как предрассудок, – отмечал П. Шелли. – Все писатели, создавшие переворот в области мысли, неизбежно являются не только изобретателями, но и поэтами: они поэты не только потому, что слова их разоблачают незыблемое сходство вещей посредством образов, отмеченных печатью истины, но и потому, что их периоды, будучи исполнены строгого благозвучия и размеренности, содержат в себе все элементы стиха, отзвук вечной музыки»⁴. Современнику великого Байрона вторит В.Г. Белинский: «Поэт нашего времени есть в то же время и мыслитель... Поэзия и философия уже не только не чуждаются друг друга, но беспрестанно подают друг другу руку, чтобы взаимно поддерживать себя, и даже часто до того смешиваются друг с другом, что иное философское сочинение прежде всего назовете вы поэтическим, а поэтическое – философским»⁵. А Ф.М. Достоевский вообще утверждал: «Философия есть та же поэзия, только высший градус ее»⁶.

Эту внутреннюю, имманентную связь философии и поэзии есть смысл экстраполировать и на учебно-образовательный процесс, в котором поэзия выступает, с одной стороны, как методическая поддержка общефилософской подготовки инженерных кадров, с другой – как способ превращения знаний в систему ценностей и нравственных ориентаций.

Где-то эти функции «поэтического материала» сходятся, смыкаются, где-то они расходятся, подчиняясь своим специфическим задачам «образования» человеческого «Я». Важнейшей составляющей курса философии является его историческая часть («историко-философское введение»). Именно здесь возникает проблема художественной образности как необходимой предпосылки усвоения теоретических философских знаний. Чтобы вникнуть в смысл учения, нужно знать многое о его создателе и тем более об эпохе, в которую он жил и мыслил. Требуется исторический портрет живого мыслителя как яркого представителя и выразителя духовных устремлений своего времени. Этот портрет может быть взят во всем его объеме, где синтезируются физические и духовно-нравственные реалии и где дается авторская оценка персонажа. Примером может служить стихотворение «Джордано Бруно» И.А. Бунина:

И вот он посох странника берет:
Простите, келий сумрачные своды!
Его душа, всем чуждая, живет
Теперь одним: дыханием свободы.
«Вы все рабы. Царь вашей веры – Зверь:
Я свергну трон слепой и мрачной веры.
Вы в капище: я распахну вам дверь
На блеск и свет, в лазурь и бездну Сферы.
Ни бездне бездн, ни жизни грани нет.
Мы остановим солнце Птолемея –
И вихрь миров, несметный сонм планет
Пред нами развернется, пламенея!..»⁷.

Когда философ и сам не чужд поэзии и является автором характерных поэтических творений, возникает соблазн «проиллюстрировать» его концепцию с помощью его же собственных произведений. В таком случае более глубоко раскрывается суть философского учения и более выпукло и ярко предстает перед студентом образ мыслителя.

В трактате Дж. Бруно «О бесконечности, вселенной и мирах» есть сонет, написанный им самим, который (сонет), на наш взгляд, как нельзя ярче выражает в художественной форме философско-мировоззренческое credo человека, считавшего, что «смерть в одном столетии дарует жизнь во всех грядущих веках»:

Кто дух зажег, кто дал мне легкость крылий?
Кто устранил страх смерти или рока?
Кто цепь разбил, кто распахнул широко
Врата, что лишь немногие открыли?

Века ль, года, недели, дни ль, часы ли
(Твое оружие, время!) – их потока
Алмаз, ни сталь не сдержат, но жестокой
Отныне их я не подвластен силе.

Отсюда ввысь стремлюсь я, полон веры,
Кристалл небес мне не преграда боле,
Но, вскрывши их, подъемлюсь в бесконечность.

И между тем как все в другие сферы
Я проникаю сквозь эфира поле,
Внизу – другим – я оставляю Млечность⁸.

Таким образом, благодаря поэтическим гениям И.А. Бунина и Джордано Бруно, на место запомнившихся студенту сухих протокольных строк учебника об одном из талантливейших представителей эпохи Возрождения приходит продуманный и прочувствованный вывод: да, многие страсти Д. Бруно обесценили ушедшие века, но никогда не будет забыто его учение о бесконечности Вселенной и о множественности обитаемых миров, подобных нашей Земле; Бруно первым из людей не утратил беспрельности Космоса...

Поэтическое художественное произведение дает уникальную возможность подчеркнуть историческое значение той или иной изучаемой концепции, связать духовно-нравственные искания минувшего времени с мировоззренческими реалиями и моральными проблемами современности. Особый интерес представляют поэтические миниатюры, созданные молодыми современниками, близкими по возрасту и по духу студентам новейшей генерации. Вот пример:

Бросьте в костер Джордано –
Вот вам данные.
Он в костре краснокожий –
Вот возможность.
Он не выйдет оттуда к вам,
К вашим ртам и к вашим богам.
Он горит и сегодня и завтра.
Не зовите пожарников⁹.

Автор этих строк Вадим Сверканов – не профессиональный поэт, врач, ушедший из жизни в 1983 г. в 27-летнем возрасте. А.А. Вознесенский так отозвался о его творчестве: «Конечно, он не Есенин и не Маяковский, но это настоящая поэзия»¹⁰. Подобные стихи могут дать мощный заряд, пробудив в студенте доселе дремлющие участки его эмоционального мира, они сближают «седую древность» с настоящим временем. Разумеется, это воздействие не универсально; в каких-то ситуациях оно может стать даже единственным, но это не беда: главное в том, что как дар философа, помноженный на талант поэта, останутся в студенческой душе (смятенной?) некий конфликт и некие вопросы, когда-то требующие своего разрешения.

С помощью поэтического слова и образа можно охарактеризовать не только отдельного мыслителя и его концепцию, но даже целое философское течение, его дух, его смысл и специфику. Правда, для достижения такой цели потребуется не только соответствующее художественное произведение и методическое мастерство, но и определенный уровень студенческой культуры. Так, век Просвещения прошел под стягом торжествующего Разума, но породил дилемму: что же предпочесть – разум, разрушающий иллюзию, а стало быть, – и жизнь человека, или призрак, губительный, но прекрасный? Данный мотив звучит в поэме английского поэта Дж. Китса (1795–1821) «Ламия»:

От прикосновенья
Холодной философии – виденья
Волшебные не распадутся ль в прах?
Дивились радуге на небесах
Когда-то все, а ныне – что нам в ней,
Разложенной на тысячу частей?
Подрезал разум ангела крыла,
Над тайнами линейка верх взяла...¹¹.
(Пер. С. Сухарева)

Интересно сопоставить этот поэтический фрагмент хотя бы со следующим четверостишием Ибн-Сины:

Хоть на тысячу частей расщепил я волосок,
Но, как прежде, до сих пор я от истины далек.
К совершенству путь искал, не дал Бог удачи мне,
И в познаниях я себя на раскаянье обрек¹².
(Пер. с таджикск. Я. Козловского)

Рубаи Ибн-Сины тоже заключают в себе мучительный вопрос о возможностях и границах человеческого познания, о прочтении книги природы, хотя здесь нет дилеммы: разум или чувство, истина или желанный призрак. Пройдут века после Авиценны, и русский поэт-мыслитель Ф.И. Тютчев напишет следующие изумительные строки:

Природа-сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней¹³.

Итак, перед нами один поэтический фрагмент и две миниатюры. Их можно использовать для художественно-образной иллюстрации некоторых метафизических проблем, но гораздо интереснее посмотреть на них в контексте общей эволюции философских идей. Философия оперирует обобщениями: в этом ее специфика. Большая часть этих обобщений предельно отвлеченна, а стало быть, предполагает широчайшую базу конкретно-исторического материала. Если абстрактные философские конструкции не будут заполнены в студенческих головах конкретным содержанием, они просто не будут усвоены; они даже не будут четко восприняты. Поэтическое произведение помогает в этом плане и студенту и преподавателю. В прозе достигнуть этого сложно, трудно, порой невозможно. В отличие от повествовательно-прозаического фрагмента поэтическое произведение лаконично, более искусственно (т.е. благодаря своей форме сразу перемещает сознание обучаемого в качественно иную плоскость), экономно, проблемно (т.е. непринужденно, без дидактики и ложного пафоса ставит важный мировоззренческий вопрос).

В философии, как и в любой сфере знания, могут быть и есть ошибочные идеи и даже целые концепции. Важно не «отвлеченно» доказывать ошибочность этих идей и концепций, а использовать смертельную силу иронии и сарказма. Поэзия в этом случае играет исключительную роль. Вот, к примеру, эпиграмма М.В. Ломоносова «На противников системы Коперника»:

Случились вместе два Астронома в пиру
И спорили весьма между собой в жару.
Один твердил: Земля, вертясь, вокруг Солнца ходит;
Другой, что Солнце все с собой планеты водит;
Один Коперник был, другой слыл Птолемей.
Тут повар спор решил усмешкою своей.
Хозяин спрашивал: «Ты звезд течение знаешь?
Скажи, как ты о сем сомненье рассуждаешь?»
Он дал такой ответ: «Что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав.
Кто видел простака из поваров такого,
Который бы вертел очаг вокруг жаркого?»¹⁴

Здесь использован прием, который можно назвать иронической констатацией самоочевидности, насмешкой над теми, кто не желает видеть очевидного и конструирует теории, противоречащие истине. Но если в этой эпиграмме присутствует пусть ироническое, но опровержение ошибочной идеи, то в другой эпиграмме на ту же тему нет никаких доказательств, однако есть шутка, сам факт которой свидетельствует о превращении некогда смелой, революционной идеи в своего рода тривиальность. А.Д. Илличевский, лицейский друг Пушкина, писал:

Коперник справедлив, тут нечему дивиться:
Я вижу сам, земля вертится;
Но это что за чудеса?
Два солнца светит мне в глаза¹⁵.

Добавим для ясности, что эпиграмма называется «Философия пьяного астронома».

С помощью поэтического слова вполне возможно достаточно убедительно показать связь между отечественной и мировой философской традицией, определить отношение русской философии к тем или иным представителям и идеям философии античной, средневековой или новейшей. К примеру, для иллюстрации связи учения Вл. Соловьева с платонизмом можно процитировать следующие его стихи:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами –
Только отблеск, только тени
От незримого очами?¹⁶

Опять-таки, характеризуя особенности философского учения В.С. Соловьева, анализируя содержание его философии любви, нельзя не прибегнуть к следующим строчкам поэта:

Смерть и Время царят на земле, –
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви¹⁷.

Дидактическая и нравственно-эстетическая ценность художественно-поэтического слова в обучении философии велика. Именно поэтому назрела необходимость создания соответствующей хрестоматии на следующих принципах:

1. В хрестоматии необходимо сочетание современных беллетристических текстов с фрагментами старых поэтических источников.

2. Особое внимание требуется при этом уделить русской философской лирике (лирике А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Станкевича, Д.В. Веневитанова, А.С. Хомякова, В.С. Соловьева, Ф.И. Тютчева и др.).

3. Тексты должны быть прокомментированы и снабжены научно-справочным аппаратом.

4. Для придания хрестоматии интерактивного характера следует продумать систему вопросов и творческих заданий к каждой ее рубрике или теме.

Материалы хрестоматии найдут свое применение и на лекции, и на семинарском занятии. Возможности лекционного курса философии таковы, что в него прекрасно впишутся литературно-поэтические образы и метафоры. Ведь речь идет о поэзии не как самоцели, а как средстве для познавательной, развивающей и воспитательной работы в курсе философии. Достаточно порой пары строк, даже одного сравнения, чтобы придать учебно-методическому материалу определенную направленность, поднять его на качественно новую ступень в идейно-эмоциональном освоении мира. Работа с подобной хрестоматией может стать одним из плодотворных источников творческого проведения занятий по философии.

Примечания

¹ Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе: Сб. работ. – М.: Наука, 1982. – С. 18.

² Там же.

³ Там же. – С. 18–19.

⁴ Шелли П. Сочинения. В 3-х т. – Т.3. – СПб., 1903. – С. 385.

⁵ Белинский В.Г. Полн. Собр. Соч. В 13 т. – Т.7. – М., 1953. – С. 50.

⁶ Достоевский Ф.М. Письма. В 2 т. – Т.1. – М., 1928. – С. 50.

⁷ Хрестоматия поэтических произведений по истории Древнего мира и Средних веков / Сост. А.Д. Рогов, Г.М. Линко. – М.: Просвещение, 1967. – С. 245–246.

⁸ Хрестоматия по западноевропейской литературе. Эпоха Возрождения / Сост. Б.И. Пуришев; 3-е изд. Доп. – М.: Учпедгиз, 1947. – С. 174.

⁹ Журнал «Работница». – 1990. – № 6. – С. 30.

¹⁰ Там же.

¹¹ Китс Д. Стихотворения и поэмы. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 282.

¹² Лирика. Из персидско-таджикской поэзии: Рудаки, Ибн Сина, Насир Хосров и др. / Сост. и примеч. А. Хакимова. – М.: Худож. лит., 1987. – С. 49.

¹³ Тютчев Ф.И. Стихотворения. – М.: Правда, 1987. – С. 137.

¹⁴ Русская эпиграмма. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 74.

¹⁵ Лирика лицеистов. – М.: Худож. лит., 1991. – С. 114.

¹⁶ Русская поэзия конца XIX – начала XX века (Дюоктябрьский период). – М.: Изд-во Московск. Ун-та, 1979. – С. 249.

¹⁷ Там же. – С. 248.